

Глава 8. Похоже на жизненные каникулы

«Вот эта рыба — отличная!»

«Ух ты... ну и напор».

«Потрясающе, господин Северан!»

На следующей неделе мы отправились к реке, протекавшей через лес.

Я давно потерял счёт дням и уже решил, что никакие разграничения мне не нужны — пусть дни тянутся, покрываясь пылью.

Но монотонная смена дня и ночи вдруг засияла красками — словно наступили каникулы.

(Будто мне сказали: можешь совсем чуть-чуть... отдохнуть от жизни.)

В мои серые будни, полные одного лишь самобичевания, будто капали, растекаясь по холсту, краски разных цветов.

Я увидел, как на животе упавшего навзничь Северана — он явно перестарался — подпрыгивает крупная полярная форель.

Командор отрешённо смотрел в небо, а я поспешно сунул форель в принесённое ведро. Рыбина плескалась с таким грохотом, что я невольно округлил глаза от её буйства — казалось, она вот-вот выскочит обратно в реку.

«Такую здоровенную поймали...»

Промокший насквозь Северан, похоже, и не думал вставать — так и лежал. Я заглянул ему в лицо сверху.

«Давайте съедим».

«...А как же пирог?»

«Перед соблазном свежего улова не устоять».

«А посуда?»

За эти несколько дней я заметил: Северан — человек небрежный, но замечания отпускает на удивление точно.

И, сверх ожиданий, он очень ждал пирога.

Конечно, можно было бы просто отнести улов домой, но время было как раз обеденное, и я подумал: почему бы часть рыбы не запечь прямо здесь? Рыбалка стала для меня первым в жизни опытом, но я на всякий случай прихватил с собой соль — вдруг придётся что-нибудь съесть на месте.

(Ведь свежепойманное... точно будет вкусно.)

Я непроизвольно сглотнул. Пока Северан сражался с рыбой, я заметил выложенный камнями круг для костра — кто-то из прежних посетителей оставил — и рядом кучу собранных веток.

Слегка пошатываясь, я поволок ведро с рыбой к каменному кругу. Северан ошеломлённо бормотал: «Ты что, совсем меня не слушаешь?»

— а я тем временем ломал голову, как бы развести огонь.

Не выдержав, Северан принёс из сумки, притороченной к лошади, зажигательное стекло.

«Ого, потрясающе... как и ожидалось от рыцаря».

«Ну да».

Этим инструментом можно собрать солнечный свет в точку и сразу зажечь огонь. Северан вытащил из кармана мятый лист бумаги и протянул мне. Наверное, во время экспедиций им часто приходится ночевать под открытым небом, так что он к такому готов.

Он, похоже, уже не возражал и, расторопно помогая, быстро приготовил солёную рыбу на костре.

«Рыба, запечённая целиком, — это же просто невозможно вкусно?!»

Я даже не мог ему ответить — настолько она оказалась невероятной.

Зубы прорывают хрустящую, подсолённую кожицу с лёгким треском, погружаются в белое мясо, и рот наполняется сочным предвкушением. Откушенный кусок тут же рассыпается, и от его жара я невольно округлил глаза.

Шевеля губами и вдыхая аромат, я наслаждался нежной мягкостью, в которой угадывалась даже сладость, и закрыл глаза, мысленно вознося молитву духам.

Северан сказал: «Ты опять меня игнорируешь», — но, извините, я просто ел, приподняв маску, и отвечать не было никаких сил.

(Вкус свежей рыбы после стольких лет...)

На меня навалилось запоздалое, пятилетней давности, сожаление: и почему я додумался выращивать овощи, но ни разу не попробовал рыбачить?

Некоторое время мы молча работали челюстями, но когда немного успокоились, Северан сказал нечто странное.

«Это... какая-то сила?»

«Вы о чём?»

«Да нет, я ещё когда ты овощи собирал, заметил: иногда ты как-то... сияешь».

Я не совсем понял, что он имел в виду, и склонил голову.

«Хм? А то, что вы, господин Северан, всегда сияете, — это какая-то сила?»

«Что ты имеешь в виду?»

«Вы, господин Северан, похожи на сияющую Первую звезду. Красивый, сверкающий — сердце замирает».

«Э...»

Но не мог же я выглядеть так же. К тому же на мне деревянная маска, и я решительно не представляю, что под ней может сиять. Она не покрыта лаком, поверхность не блестит — грубая, словно просто вырезали дерево и просверлили дырки.

Северан застонал и нахмурился:

«Про себя не знаю, а ты, Никола, как-то... будто защищён, и вокруг тебя странное свечение».

«Может, это пот?»

«Ты сейчас так мои слова услышал?»

Я ведь даже рыбу не ловил, так что только молился, чтобы пот не летел во все стороны. Северан ещё некоторое время бормотал «как-то это странно», но я всё равно мысленно списал всё на пот и приуныл.

«Кстати, в прошлый раз, когда ходили в город, был выходной, и я не думал, что там будет так людно».

«Почему?»

«Да я каждый день только на поле работаю и совсем забыл про цикл выходных. Вкусная рыба — прямо как отпуск. Класс».

Ах да. Я вспомнил, что и сам недавно размышлял об этом, и удивился, что Северан думал о том же.

«Всё равно до зимы в столицу нельзя, да?»

«Даже зимой, наверное... нельзя».

Хоть он и притворяется моим другом, чтобы расшевелить меня, — я полон сожаления, но у этих отношений есть конец. Однако Северан, похоже, не сдавался: недовольно протянув «Э-э», он продолжил:

«Но тут-то я и покажу своё мастерство, верно? Ты ведь захочешь прийти повидаться со мной, Никола».

Если бы такое будущее наступило, я бы, наверное, правда пошёл к нему.

Но я думаю, что вряд ли смогу со всем примириться настолько, чтобы по-настоящему желать встречи с Севераном.

И, словно продолжая жаловаться, он надул губы и спросил:

«Почему ты не снимаешь маску?»

Этот вопрос от Северана я слышу так же часто, как «когда поедem в столицу».

«Это... ну, как последний рубеж».

«Что за чушь».

Если я покажу лицо, то уже не смогу, наверное, защитить себя.

Думаю, я подсознательно сопротивляюсь тому, чтобы меня «списали со счетов» в его памяти — меня, настолько ничтожного. Я решился быть обманутым, но мне не хотелось, чтобы он запомнил лицо того, кого обманул.

В конце концов, мне страшно. И страшно даже признаться, что страшно.

Маска отделяет меня от мира, и даже если за ней у меня самое грустное лицо, Северан этого не замечает и держится как обычно.

«Когда ешь, приподнимать ведь неудобно».

«И всё равно».

«Мне больно, что мне не доверяют», —

сказал Северан и поник плечами.

Глядя на него, я подумал:

(То, что я готов быть обманутым, — если судить по доверию... что же это за чувство?)

Я не доверяю и потому так защищаюсь?

Или же доверяю настолько, что считаю обман неизбежным?

Молча жуя, я передал Северану маринованные овощи, которые принёс с собой. Северан оживился, но тут же снова надулся и сказал:

«Странно. Маска ни от чего не спасёт».

«Не так уж и ни от чего. Если у меня будет очень злое лицо, вы, господин Северан, даже не заметите».

«Э, а я хочу увидеть».

Я сказал, что лицо, возможно, злое, но Северан почему-то только сильнее заинтересовался. Увидев, что я качаю головой, он без всяких церемоний переключился на другую тему.

Наблюдая за ним, я иногда поражаюсь сам себе: как же я постоянно переживаю и слежу за реакцией собеседника.

«Слушай, ты же мастер духов — почему умеешь готовить?»

«А, так я из сиротского приюта. Пока не стал мастером духов, помогал на кухне, а потом и в общежитии мастеров заглядывал туда же».

«Хм».

«А потом, ну знаете, когда становишься мастером духов, появляется много вкусной еды... вот я и заинтересовался готовкой».

Сказав это, я ощутил прилив вины: меня так щедро обеспечивали, а я ничего не смог отдать взамен, — и настроение резко упало.

Если бы я хотя бы остался в приюте, то, возможно, был бы частью общего механизма и каждый день готовил бы детям.

Сан-Сильванское Святое Королевство, будучи нейтральным, редко ввязывалось в войны даже с самого своего основания. Королевская рыцарская гильдия в основном занималась истреблением вредителей, поддержанием порядка и обороной, а Святые рыцари вроде Северана — тем же, не считая охраны мастеров духов.

Благодаря хорошей безопасности условия в приюте были неплохими, существовали даже системы профессиональной подготовки и обучения, так что я никогда не считал себя несчастным.

Меня выбрали в мастера духов, и все в приюте радовались за меня...

Я вспомнил это и резко затряс головой.

Я понимаю, что отворачиваюсь от этих воспоминаний. Мечтая, что когда-нибудь смогу с ними смириться и посмотреть правде в глаза, я продолжил разговор о готовке — просто чтобы отвлечься.

«Мне очень нравилось читать кулинарные книги. Меня интересуют незнакомые специи, и я хочу когда-нибудь попробовать блюда, о которых ничего не знаю».

«Хм. Давай сходим куда-нибудь поесть».

«Но это же... ещё дальше, чем до столицы».

«Понятно».

* * *

Северан, похоже, наелся до отвала и как был повалился на спину.

Я тоже поднял взгляд: за ещё зеленеющими листьями раскинулось ясное небо, по которому лениво плыли белые облака.

Прохладный ветерок нежно коснулся моих щёк. Было такое чувство, будто меня окутало что-то огромное и мягкое, — и пока я дремал, Северан, словно озвучивая мои мысли, произнёс:

— Хорошо здесь... жизнь тут такая.

От этих слов моё сердце почему-то гулко стукнуло. Закрыв глаза, Северан всем видом наслаждался блаженством: набить живот и сразу завалиться отдыхать. А потом он вдруг начал: «Так бы и остался здесь навсегда...»

— но тут же опомнился и задал свой обычный вопрос:

— ...Нет! Так нельзя, конечно. Когда поедем в столицу?

Это было так забавно, что я невольно тихо рассмеялся.

— Можете оставаться здесь навсегда, я не против.

Но слова сорвались с губ прежде, чем я успел их обдумать, и я сам тут же поразился собственной дерзости. Сердце забило быстро-быстро. Я уже стиснул вспотевшие ладони и хотел извиниться за неосторожность, как Северан, мельком глянув на меня, вздохнул и сказал:

— ...Я же говорил, что вернусь.

— Д-да, конечно.

Я вытер пот со лба — с той части, которую не скрывала маска, — и с облегчением перевёл дух.

Но всё же я подумал: если Северан считает, что здесь так уютно, то, может, чем дольше это чувство будет длиться, тем позже он вернётся в столицу.

(Но... почему ему-то здесь уютно?)

Я живу здесь уже пять лет, но радоваться по-настоящему начал только с того дня, когда Северан пришёл в тот замок.

До этого всё было мирно, ничего не случилось, и куры, и Перан были ко мне добры. Но...

(Ни разу мне не было уютно...)

А вот теперь — да.

Только сейчас я ощутил это.

Глядя на развалившегося на траве Северана, я тоже решился и прилёг. Осторожно прижимаясь спиной к земле, я вдруг ощутил запах земли совсем близко. Аромат травы, журчание реки, пушистые облака, неторопливо плывущие по небу.

(Хотя я всё это время жил в таком месте, я почти никогда не смотрел на небо...)

Проводить время с кем-то — это удивительно.

Я подумал, как хорошо, что за мной пришёл именно Северан.

Даже если это просто игра в друзей, радоваться ей — моё полное право. Так я теперь чувствовал.

Каждый день мы с Севераном ходили в разные места, добывали разные продукты, и сегодня должны были готовить обещанный рыбный пирог. Когда я советовался с дядечкой из лавки, то думал, что рыбу лучше запекать целиком.

Но по дороге мы с Севераном нашли много грибов, и я подумал: может, стоит разобрать рыбу на кусочки, соединить с грибами и укропом, залить сливочным соусом и завернуть в тесто.

Стоит выйти наружу — и случаются открытия. А открытия рождают новые идеи.

(Как весело...)

Мне казалось, что нежное чувство, которое я так долго прятал глубоко в груди, понемногу разливается по всему телу.

У меня стало так на душе, будто кто-то разрешил мне: «Ты можешь жить». И от этого защипало в носу.

В кои-то веки — впервые в жизни — ко мне приехал «друг». Захотелось сказать что-нибудь чуточку смелое. Но только я собрался заговорить, как дыхание перехватило, и я ещё долго то открывал, то закрывал рот и мялся.

Однако раз уж решился, то в конце концов всё-таки произнёс — хоть и очень тихо:

— Я хотел бы показать вам, господин Северан, пока вы в отпуске, одно моё заветное место. Тогда вам, может, ещё больше расхочется возвращаться... наверное.

— А? Бордель?

— ...Да что вы! Это у вас такое в «заветных» значит? Это... ну...

Раз так, я решил, что поведу его в исключительно добродетельное место.

Я-то держал в уме «луг», и на меня словно огромный камень с неба свалился.

Глядя, как я в панике и без толку трогаю маску, Северан тихонько выдохнул и сказал: «Да пошутил я». Меня охватило беспокойство: достаточно ли хорошо маска скрывает залившееся краской лицо? Закрываясь ладонями с обеих сторон, я проговорил:

— И-извините... я в таких вещах не очень разбираюсь.

— Если бы ты ещё и в этом разбирался при таком-то поведении, было бы жутковато.

— А... да, и правда. Я бы сам испугался, если бы знал.

— А-ха-ха, так что? Куда ты меня поведёшь?

С этими словами Северан перекатился и повернулся ко мне. Наверное, потому что я не привык общаться с людьми, но когда он вот так пристально на меня смотрит, сердце колотится до боли в груди.

Думая, что без маски мне всё-таки никак нельзя, я кое-как выдавил из себя:

— Это можно только ночью, так что давайте сходим как-нибудь после ужина.

— А...

— А... нет, вы не так поняли! Про бордели я вообще ничего не знаю!

* * *

— Я только на секунду подумал: «О, а ты, оказывается, смелый», господин Серафиос.

— Э-это не так! Как же так... ах... я же в этом совсем...

Северан, продолжая лежать на земле, смеялся своим «а-ха-ха», звучащим как «а-а-ха-ха».

Вдруг он перестал смеяться, подтянул меня за плечо и тихо сказал:

— Серафиос.

Я затаил дыхание.

Имя, которое он почти никогда не произносил, прозвучало ласково — словно перезвон маленького колокольчика.

— Угу...

— Когда ты так сильно смущаешься, мне хочется то ли защитить тебя, то ли ещё больше поддразнить... в общем, странное чувство.

— Хватит уже! Я ведь правда всего пугаюсь.

— Ну, такому человеку я и сам не могу сказать «перестань трястись». Не волнуйся. Это я, похоже, перегнул палку. Извини.

Он слегка погладил меня по голове, и от этого стало очень стыдно. Я ведь сам попросил его перестать обращаться со мной как с мастером духов, но когда он говорит без церемоний и вот так ко мне прикасается, я теряюсь и не знаю, как реагировать.

Впрочем, подумал я — если бы он переусердствовал, у меня, наверное, сердце бы просто остановилось.

— ...Ну же, прости меня. Я извинился.

— ...Д-да.

— Обиделся?

— Я не обижаюсь. Вы ведь извинились.

— Вот и хорошо.

Северан улыбнулся. К его щеке прилипла травинка, а сама щека слегка покраснела. Я подумал, что, наверное, надо бы сказать ему об этом, но не смог выдавить ни слова. И снова, и снова прокручивал в голове то, как он только что назвал меня по имени.

— Тогда вечером жду с нетерпением.

— Угу...

— Что ж, пора возвращаться к работе.

Северан поднялся, подхватил одной рукой корзину — ту самую, где раньше были помидоры, а теперь лишь перекатывались по дну незрелые зелёные плоды, — и энергично зашагал. Я тоже торопливо встал и поспешил за ним.

<http://bllate.org/book/17984/1728129>